

И.А. Устинова, И.Н. Шамина
Институт российской истории Российской академии наук

**ВОЛОГОДСКИЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАШНИН Н.В. ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ВОТЧИН
ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА СВ. СОФИИ 1701–1702 ГГ.:
ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019)**

В статье представлен обзор и критика нового исследования Н.В. Башнина по истории Вологодского архиерейского дома на рубеже XVII–XVIII вв.

Вологодский архиерейский дом, церковная реформа Петра I, переписные книги.

Важной тенденцией последних лет стало издание переписных и описных книг, материалов делопроизводства архиерейских домов и монастырей XVII–XVIII в. Историография проблемы насчитывает десятки публикаций и исследований и продолжает разрабатываться [2; 5; 7; 8; 9]. Введение в научный оборот этих информационно насыщенных, объемных материалов позволяет абсолютно по-новому оценить не только хозяйственный статус церковных учреждений, динамику размеров их вотчин, запашки, количества зависимых крестьян и проч., но и дать оценку продолжительным экономическим процессам, развивавшимся в Русской церкви на протяжении XVII столетия. Особенно актуальным в этой связи представляется выявление, исследование и публикация переписных книг архиерейских домов, монастырей и церквей, созданных в конце XVII – начале XVIII в., поскольку это позволит дать более многогранную и точную оценку церковной реформы Петра I.

В 1701 г. по инициативе правительства Петра I и в связи с передачей дел воссозданному в том же году Монастырскому приказу началось описание монастырей, церквей и архиерейских домов Российского государства. Это была попытка петровского правительства провести секуляризацию церковно-монастырского землевладения и хозяйства. По справедливому замечанию Н.В. Башнина, описание 1701–1705 гг. стало очередным этапом по установлению государственного контроля за церковными владениями. Основной массив переписных книг начала XVIII в. отложился в Российском государственном архиве древних актов, но отдельные материалы хранятся в других архивах Москвы, Санкт-Петербурга и др.

Переписные книги Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг., избранные автором в качестве предмета исследования, зафиксировали состояние этого хозяйственного комплекса накануне того момента, когда «старая русская жизнь, несомненно, требовавшая реформ и улучшений, но, несомненно, имевшая и добрые стороны, подверглась всецелой ломке» (с. 9).

Рецензируемое издание построено по классической схеме и делится на две неравные части – исследование и публикация текстов переписных книг Во-

логодского архиерейского дома 1701–1702 гг. Исследовательская часть работы состоит из пяти глав. Она построена на крепком историографическом фундаменте, прежде всего на работах И.М. Покровского, И.А. Булыгина, Я.Е. Водарского, Е.И. Колычевой, Е.Н. Швейковской, М.С. Черкасовой, З.В. Дмитриевой. Прекрасное знание «классической» и современной литературы по проблеме позволило Н.В. Башнину создать обобщающую картину состояния Вологодского архиерейского дома в конце XVII в., дополнив и расширив информацией, почерпнутой во вводимом в научный оборот источнике.

Первая глава посвящена описанию и сравнительному анализу разных типов описных материалов, созданных в 1701–1705 гг. при подготовке секуляризационной реформы Петра I. Комплекс переписных книг Вологодского архиерейского дома, опубликованный в рецензируемом издании, извлечен из ф. 237 (Монастырский приказ) РГАДА (Оп. 1. Кн. 53. Л. 1–253). Он включает в себя переписные книги 1701–1702 гг. вотчин Вологодского архиерейского дома в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах, а также описания Введенской Антониевой, Иоанно-Богословской Кохтышской пустыней и Николо-Мокрого монастыря, приписанных к архиерейскому дому.

Следует, однако, заметить, что при описании других архиерейских домов 1701–1705 гг. составители обращали внимание не только на земельные владения последних. Их интересовало и состояние самого архиерейского дома. Так, например, в переписной книге Коломенского архиерейского дома 1701 г. фиксации земельных владений предшествует описание церквей, ризницы, казны, архиерейского архива, библиотеки; перечисляются служащие архиерейского дома (дьяки, подьячие, дети боярские и др.), указан род их деятельности [3]. Очевидно, составлялось аналогичное описание и Вологодского архиерейского дома, которое, судя по всему, Н.В. Башнину обнаружить не удалось, однако этот факт автор не комментирует.

Кроме переписных книг в начале XVIII в. также были созданы переписи хозяйства (ведомости) (ОР РГБ. Ф. 354. Ед. хр. 177) и описи казны Вологодского архи-

ерейского дома (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 238), тексты которых до настоящего времени не опубликованы. Путем сравнения преамбул и содержания книг Н.В. Башнин демонстрирует отличия в целях в задачах переписчиков при составлении этих трех видов документов и приходит к важному выводу о том, что «переписные книги церковных вотчин можно рассматривать как сокращенный вариант общероссийского кадастра» (с. 14). При этом автор убедительно демонстрирует, что переписные книги, составившиеся в традициях делопроизводства XVII в., были первичным материалом, с опорой на который составлялись уже ведомости, являющие образец нового типа делопроизводства. Описи казны были нацелены на фиксацию правоустанавливающих документов на собственность, приходо-расходных книг, материальных ценностей архиерейского дома.

Н.В. Башнин соглашается с мнением И.А. Булыгина о том, что после составления переписей светская власть получила все необходимые данные для проведения полной секуляризации церковного имущества (с. 32). Контроль за финансовой и хозяйственной деятельностью Вологодского архиерейского дома стал осуществлять Монастырский приказ. Однако спустя десятилетие реформе был дан обратный ход: началось возвращение монастырских и архиерейских вотчин их владельцам. Таким образом, публикация переписных книг Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг. представляет большую научную ценность.

Среди спорных решений Н.В. Башнина в тексте первой главы исследования следует назвать изрядную ее перегруженность сравнительными таблицами (16 страниц из 28), которые затрудняют работу с материалом. Понятно желание автора предоставить читателю возможность составить мнение о хозяйственных ведомостях и описях казны, однако представляется, что его можно было бы реализовать в более емкой форме или путем создания специального приложения. Более серьезным недостатком представляется ощутимая нехватка источниковедческого анализа публикуемых переписных книг: детальное археографическое введение к публикации во второй части книги не решает всех задач внутренней и внешней критики источника. В частности, в исследовании лишь вскользь затрагиваются сюжеты, связанные с описанием структуры переписных книг, анализом их информационных возможностей, описанием приемов составления и проч.

В главах 2–4 предметом изучения стал Вологодский архиерейский дом св. Софии как хозяйственное учреждение. Очень удачным для решения поставленных задач представляется избранный автором сравнительный подход. Во второй главе Н.В. Башнин приводит сопоставительные данные о количестве крепостных душ, приписных монастырей, десятинной пашни в Вологодском архиерейском доме в сравнении с другими архиерейскими домами. Обобщая обширный пласт историографических исследований, автор составил сводные таблицы и пришел к справедливому выводу, что Вологодский архиерейский дом как хозяйственное учреждение занимал срединное положение, не относясь ни к богатейшим, ни к беднейшим кафедрам. Так, по материалам переписей 1678 г. и

1730–1740-х гг. по количеству крестьянских дворов Вологодский архиерейский дом среди 19 епархий занимал 5-е место, по количеству крестьянских душ – 11-е. Преобразования начала XVIII в. оказались для Вологодской кафедры серьезным испытанием: если в конце XVII в. она была ближе к лидирующим позициям по стране, то в 1730–1740-х гг. опустилась ближе к концу списка.

В третьей главе исследуются вотчинные владения Вологодского архиепископа. На основе данных переписных книг Н.В. Башнин составил сводную таблицу, включив в нее сведения по разным показателям: местоположение вотчины, характер поселений, количество разных видов дворов (административно-хозяйственных построек, дворов причта, детей боярских, посельских старцев, приказчиков, целовальников, скотников, конюхов, работников), количество населения и проч. Получилась вполне исчерпывающая картина архиерейских вотчинных владений, расположенных в 5 уездах (Московский, Вологодский, Галицкий, Яренский, Усольский). В начале XVIII в. в вотчинах вологодского архиерея находилось: 5 погостов, 7 сел, 4 сельца, 223 деревни, 30 починков, 2 «земли», 8 пустошей (всего 268 населенных пунктов). Кафедре также принадлежали части земельных владений и поселений (половина сельца, 1/3 пустоши, четверть пустоши, жеребеи 4-х пустошей и проч.). Население вотчин жило в 2134 дворах и, согласно подсчетам переписчиков, составляло 6726 лиц мужского пола. При этом состояние вотчинного комплекса следует признать более чем удовлетворительным – лишь 7,5 % дворов были пустыми.

В рецензируемой работе исследователь может найти практически исчерпывающие данные по показателям экономического развития Вологодской кафедры на рубеже XVII и XVIII вв. По оценке автора, с которой трудно не согласиться, хозяйство Вологодского архиерейского дома к концу XVII в. находилось в «благополучном состоянии», а в первое десятилетие XVIII в. начало приходить в упадок.

Очень интересны страницы, посвященные архиерейской вотчине в волости Лежский Волок, которая в рассматриваемый период переживала этап активного роста и колонизации, а также являлась центром расселения архиерейских детей боярских. Это был наиболее крупный вотчинный комплекс Вологодского архиерейского дома, включающий более 110 деревень с более чем 1200 дворами и проживавшими в них около 11 400 крестьян мужского и женского пола.

Рассказывая о приходских церквях в вотчине Лежский Волок, Н.В. Башнин обращает внимание на то, что в переписной книге 1701–1702 гг. при их описании неоднократно используется слово «монастырь»: «На монастыре же колоколя рублена в брус», «за монастырем у тех церквей святые врата рубленые», «круг монастыря ограда деревянная, рубленая» (с. 55). На этом основании автор высказывает предположение о существовании в волости Лежский Волок «древнейшей формы организации монашеской жизни», о которой, ссылаясь на новгородские писцовые книги XVI в., писал еще Е.Е. Голубинский.

На наш взгляд, это весьма интересное предположение требует дополнительного изучения. Об имено-

вании приходских церквей «монастырями» известно и из других источников. Так, например, в переписной книге Иннокентиева Комельского монастыря 1701 г. «монастырем» назван комплекс построек в селе Зыкове, включающий в себя две церкви – холодную и теплую – и столб с двумя колоколами, обнесенные деревянной оградой [10, с. 79]. Интересно, что в сотной грамоте Иннокентиеву монастырю 1621 г. находившиеся на том же месте церковь и колокольня обозначены словом «погост» (Там же, с. 58). «Монастырями» в переписной книге 1701–1702 гг. Павлова Обнорского монастыря названы церковные здания в вотчинных селах Никольское и Фроловское [6, с. 25, 36].

Полагаем, что и в описании вотчины в волости Лежский Волок речь идет о приходских церквях, где термин «монастырь» означает буквально комплекс церковных зданий, при которых жили священно- и церковнослужители. Часто при церквях в кельях жили нищие, которые находились на содержании крестьянской общины. О том, что среди них «могли быть те, кто принял постриг», прямых указаний в переписной книге нет. Поэтому говорить о том, что внутри архиерейской вотчины существовали маленькие, неизвестные «монастырьки» в обычном понимании этого слова, было бы ошибочным.

В четвертой главе работы Н.В. Башнин анализирует процессы роста вологодской архиерейской вотчины, обмена и приписки монастырей в конце XVII в. Наибольшая активность в этом плане была достигнута в конце века, при архиепископе Гаврииле (Кичигине; 1684–1707 гг.). В последней трети XVII в. Вологодский дом приобрел владения в 4 волостях Вологодского уезда (Ракульская, Лоскомская, Брюховская, Лежский Волок) и Корезской волости Галицкого уезда (с. 64). Большой интерес представляет выполненный автором анализ всех сделок по купле-продаже и обмену земли. Так, в 1688–1700 гг. были совершены сделки с 21 собственником относительно 35 земельных участков. Башнин составил список всех контрагентов Вологодского архиерейского дома по земельным делам (78 землевладельцев). В результате этих сделок Вологодская кафедра получила 80 дворов с населением 260 душ м. п., что составило прирост в 3,7% дворов и 3,8% населения.

Фронтальное выявление всех земельных сделок, совершенных Вологодским архиепископом во второй половине XVII в., позволило исследователю наглядно продемонстрировать механизм обхода законодательства о запрете расширения земельных владений церкви. Например, некоторые из этих сделок совершались во второй половине века с одной и той же властью несколько десятков раз, имея целью «прикрыть» покупку новых земель. Практиковались и другие приемы: промена с прикупками, завладение вотчинами приписных монастырей и проч.

Всего в конце XVII – начале XVIII в. к Вологодскому архиерейскому дому, по подсчетам Н.В. Башнина, были приписаны не менее 8 монастырей и пустыней. Однако в составе публикуемой кн. 53 есть описания лишь трех из них: Николо-Мокрого монастыря, Антониевой Введенской и Иоанно-Богословской Кохтышской пустыней. Причиной того, что часть

описаний приписных монастырей не вошла в состав этой переписной книги, Башнин считает отсутствие у обитателей обрабатываемых крестьянами земельных владений.

Однако известны описания по крайней мере еще трех приписных к Вологодскому архиерейскому дому монастырей. Они вошли в состав других рукописей ф. 237 РГАДА. Так, описания Успенской Семигородней пустыни и Спасского Вожеозерского монастыря находятся среди переписных книг других вологодских монастырей в кн. 33, описание Благовещенского монастыря на р. Монзе вместе с описаниями галичских монастырей – в кн. 23. Возможно, после завершения переписных работ и активного использования описей, сотрудники Монастырского приказа придерживались территориального принципа формирования книг, не вдаваясь в подробности юридической принадлежности монастырей. Таким образом описания Николо-Мокрого монастыря и двух пустыней оказались подшиты вместе с описанием вотчин архиерейского дома, в то время как переписные книги Семигородней пустыни и Спасского Вожеозерского монастыря туда не поместились, поэтому их присоединили к описаниям других вологодских монастырей.

Интересный материал предложен вниманию читателей в главе 5 и на 13 картах-вклейках. Н.В. Башнину удалось картографировать (привязать к местности) все 3243 хозяйственных объекта Вологодской кафедры, упомянутых в переписных книгах. Основным методом картографирования стало сопоставление топонимов из источников с топонимами, представленными на картах XVII–XX вв., при этом учитывалось расположение водоемов и другие ориентиры. В этой связи для расширения дальнейших картографических изысканий автора можно указать на исследования А.Н. Старицына [4]. Картографирование позволяет наглядно представить себе, чем в реальности являлась сеньория вологодского архиерея. В частности, становится очевидным, что четыре наиболее крупных и значимых вотчинных комплекса располагались на незначительном расстоянии от Вологды как центра епархии, формируя полукруг (с. Ивановское к северу на расстоянии около 10 верст; с. Ананьино с запада – около 5 верст; с. Белое к югу – около 16 верст; с. Реброво к юго-востоку – около 8 верст (карта 4)). На карте видно, что земельные владения Вологодской кафедры вытянуты вдоль оси Москва – Вологда – Усть-Вымь. Н.В. Башнин отмечает, что «прирастание этих вотчин происходило по направлению с севера на юго-запад и было обусловлено переносом кафедры в Вологду в царствование Ивана Грозного, а затем повышением статуса вологодских иерархов (епископ Антоний и архиепископ Иона (Думин)) привело к появлению владений под Москвой во времена Бориса Годунова» (с. 83). Наименее значимые в хозяйственном отношении владения кафедры были расположены в Московском уезде (карта 2) и служили для обеспечения жизни архиерея в столице.

Исследовательскую часть работы завершает заключение, в котором содержится основной вывод автора: в переписных книгах Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. его вотчина зафиксирована на высшей точке своего развития. Эта

часть книги также снабжена приложением в виде таблицы, в которой объединены сведения обо всех вотчинных владениях Вологодского архиерейского дома, по материалам переписных книг 1700–1701 гг.

В то же время приходится выразить сожаление, что автор, видимо, не мог подробнее остановиться на анализе информационных возможностей публикуемого источника с точки зрения истории культуры и быта. Это тем более печально, что представленный вниманию читателя источник – чрезвычайно «живой», богатый уникальными подробностями повседневной жизни на рубеже XVII и XVIII вв.

Прежде всего следует отметить возможности переписных книг как источника по истории демографии, ономастики, истории семьи, духовного сословия. Так, в них можно найти сведения о происхождении, службе и составе семей духовенства: «У тех же церквей (на Лежском Волоке. – *И. У.*): во дворе поп Ияков Андреев, родом он вотчины Инокентьева монастыря Николаевской церкви, что в Зыкове, дьячков сын, у него дети: Степан дватцати лет, Иван семнатцати лет; во дворе поп Июда Исаев, родом тое же церкви попов сын; во дворе диакон Алексей Исаев, родом тое же церкви попов же сын; во дворе дьячек Иван Сидоров, родом он Инокентьева монастыря служен сын деревни Рамешкова, у него дети, Петр году да пасынок Семен двенатцати лет, Федор десяти лет; во дворе понамарь Иван Харитонов, у него сын Семен, у Семена дети, Иван трех лет, Максим дву лет, у него же брат Тихон, у Тихона дети, Яков пятнатцати лет, Иван десяти лет, Григорей дву лет» (с. 186).

Чрезвычайно интересны разделы переписных книг, посвященные описаниям церквей. Составители отмечают архитектурные особенности храмов: «церковь деревянная четверугольная с папертию во имя святаго апостола Анании холодная. Верх шатровой» в с. Ананьине (с. 137–138); в с. Ивановском «церковь деревянная холодная... Верх шатровой... колоколя деревянная, на ней четыре колокола неболших, а по скаске церковного старосты Анички Никитина, весу в них десять пуд» (с. 143–145) и др. Не менее насыщены и страницы, содержащие данные об убранстве церквей – иконах, росписях, церковной утвари, облачениях, библиотеке и проч.

Наконец, описания хозяйственных построек в вотчинах Вологодского архиепископа вполне достойны самостоятельного исследования и компьютерного 3D-моделирования, которое активно применяется в современной историографии [1], настолько они подробны и детальны. Например, в с. Реброво описан архиерейский двор «на приезд»: «На нем три кельи на жилых подклетах. Промеж ими двои сени забраны тесом, на верху чердак забран и крыт тесом же. Да в кельях же в окнах болших и малых двенатцать окон-

ниц следеных. На том же дворе у ворот обиходная поварня. Кругом двора забор бревенной» (с. 150).

Вторую часть рецензируемой монографии занимает публикация «Сборника переписных книг вотчин Вологодского архиерейского дома св. Софии в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах и приписных Антоньевой, Кохтожской пустынь и Николо-Мокрого монастыря 1701–1702 гг.», состоящего из 14 описаний. Тексту документа предпослано обширное археографическое введение, содержащее кодикологическое, филигранологическое, палеографическое, почерковедческое описание публикуемого источника.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что Н.В. Башнин продолжит свою, без сомнения, успешную работу по выявлению, изучению и публикации документов по истории Русской православной церкви.

Литература

1. Бородкин, Л. И. Страстной монастырь в XVII–XX вв.: пространственная эволюция и виртуальная реконструкция / Л. И. Бородкин // Российская история. – 2016. – № 5. – С. 149–160.
2. Переписные книги Кандалякшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалякша XVIII века / подготовка текстов и исследований С. А. Никитина, Л. В. Пушкина. – Москва; Санкт-Петербург, 2019.
3. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Ч. 1. – Кн. 58. – Л. 1–228.
4. Старицын, А. Н. Русская картография начала XVIII в. и проблема локализации староверческих поселений в северном регионе России / А. Н. Старицын // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. – 2017. – № 2. – С. 236–254.
5. Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / составитель Н. В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2018.
6. Шамина, И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 17–107.
7. Шамина, И. Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2020. – № 1/2 (57/58). – С. 5–37.
8. Шамина, И. Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1/2 (45/46). – С. 99–111.
9. Шамина, И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3/4 (47/48). – С. 96–226.
10. Шамина, И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1/2 (13/14). – С. 26–99.

I.A. Ustinova, I.N. Shamina

VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE AT THE TURN OF THE 17TH-18TH CENTURIES. BOOK REVIEW: BASHNIN N.V. CENSUS BOOKS OF THE LANDHOLDING OF THE VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE OF ST. SOPHIA 1701–1702: RESEARCH AND TEXTS. M.; SPb: Alliance-Arkheo, 2019

The article presents a review and criticism of a new study by N.V. Bashnin on the history of the Vologda Archbishop's House at the turn of the 17th – 18th centuries.

The Vologda Archbishop's House, the Church Reform of Peter the Great, census books.